

Предисловие «Полки»

Достоевский начинает писать «Бесы» как злой антинигилистический памфлет, но вырывается за рамки жанра и создает один из своих лучших романов — политический триллер, сатирический боевик, религиозную драму и экзистенциальную трагедию под одной обложкой.

Елена Makeenko

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

В губернский город одновременно возвращаются из-за границы демонический красавец Николай Ставрогин и сын домашнего учителя Петруша Верховенский. После их приезда начинают происходить странные вещи: скандалы, пожары, убийства. Плетутся политические интриги, расползаются слухи, у каждого жителя в шкафу обнаруживается скелет. За месяц тихий город превращается в адскую воронку, большинство действующих лиц гибнет, сходит с ума или сбегает. Достоевский задумывает антинигилистический памфлет, а пишет мрачную и захватывающую трагедию мира, потерявшего гармонию и смысл.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Замысел начал складываться у Достоевского в 1869 году. В это время писатель находится за границей, скрываясь от кредиторов, тоскует по родине и прочитывает по несколько русских газет в день. В это же время в России активизируется студенческое движение, волнения происходят в Московском университете. Обеспокоенный Достоевский приглашает младшего брата своей жены, студента Петровской сельскохозяйственной академии в Москве Ивана Сниткина, погостить у них в Дрездене. По воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, Сниткин много рассказывает о быте и настроениях студенческого мира, в том числе о студенте Иванове. Через полтора месяца Иванова убьют бывшие единомышленники по революционной организации «Народная расправа» во главе

с Сергеем Нечаевым. Убийство студента производит на Достоевского сильное впечатление. У писателя зреет замысел написать памфлет против нигилистов и западников, в начале 1870 года он рассказывает¹ об этой идее в письмах Аполлону Майкову и Николаю Страхову: «То, что пишу, — вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что ретроград!) Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь». Постепенно «памфлет» разрастается, усложняется и превращается в большой роман, над которым писатель работает почти три года.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Роман представляет собой хронику, которую ведет молодой человек, свидетель и отчасти участник событий, Антон Лаврентьевич Г-в (в литературоведении его часто называют Хроникером). Рассказчик старается подробно и объективно фиксировать события, которые происходили в городе в сентябре–октябре одного года, но по мере вовлечения объективность ему изменяет, а отдельные эпизоды приходится домысливать. Для объяснения происшедшего Хроникер погружается в биографии героев за предыдущие двадцать лет и дополняет повествование фактами, которые были обнаружены уже после развязки. Отступления назад и забегания вперед создают впечатление, будто в романе много лакун и нестыковок, однако, как доказала² исследовательница Достоевского Людмила Сараскина, мир «Бесов» проработан до минуты и требует от читателя всего лишь быть очень

Миллионная улица в Твери. 1860 год.
Тверь была прототипом губернского города в «Бесах»

внимательным. Единственная настоящая лакуна находится между восьмой и девятой главами: в этом месте, в самом центре романа, должна находиться глава «У Тихона», которую по цензурным соображениям отказался публиковать издатель «Русского вестника» Катков. В современных изданиях изъятая глава публикуется в виде приложения, в ней Николай Ставрогин исповедуется и фактически объясняет свое будущее самоубийство.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Феномен нарастающего политического радикализма и популярные в России 1840–60-х политические идеи, кружки и соответствующие дискурсы: социалистический, либеральный, почвеннический.

Важный литературный источник — традиция антинигилистических романов, которую Достоевский трансформировал и развил, во-первых, представив в своем романе сложную «палитру» нигилистов (одновременно с «Бесами» в «Русском вестнике» выходил роман Лескова «На ножах», который Достоевский раскритиковал в переписке с Майковым: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит»), во-вторых, отменив обязательное для романов такого типа противопоставление нигилистам государственной власти, которая в «Бесах» выглядит ничуть не лучше своих врагов. Особняком здесь стоят «Отцы и дети» Тургенева: от них Достоевский отталкивался в начале работы над романом, разрабатывая линию отца и сына Верховенских как основную, хотя позже эта литературная связь

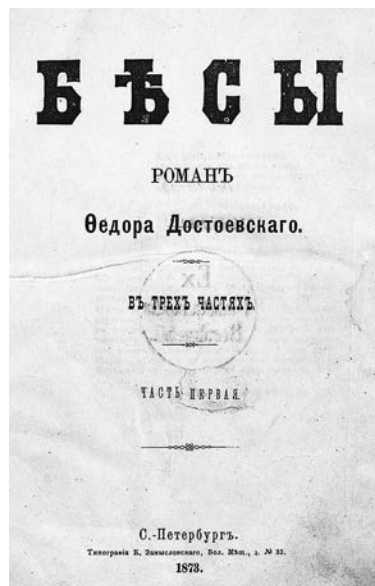
почти исчезла. Мир губернского города из «Бесов» напоминает мир гоголевских «Ревизора» и «Мертвых душ», а также только что вышедшей «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина («Город наш третировали они как какой-нибудь город Глупов», — рассказывает Хроникер о публике из кружка губернаторши. Известно, что прототипом губернского города в «Бесах» была Тверь, где Достоевский жил после ссылки в 1859 году, а Салтыков-Щедрин служил вице-губернатором в 1860–1862 годах). Несомненно, повлияли на роман и «Повести Белкина»: Иван Петрович Белкин — ближайший литературный родственник Хроникера.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Роман публиковался в «Русском вестнике» в течение 1871–1872 годов с большим перерывом, который возник из-за борьбы Достоевского с издателем Михаилом Катковым и редактором Николаем Любимовым за главу «У Тихона». В 1873-м «Бесы» вышли отдельным изданием. «У Тихона» была опубликована в качестве приложения к роману только в 1926 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Поскольку Достоевский и сам считал «Бесы» тенденциозной книгой («Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность», — пишет он Страхову 24 марта 1870-го) и написана она была как будто про «Народную расправу», неудивительно, что

Обложка первого книжного издания
«Бесов». 1873 год

современники оценивали роман в основном с точки зрения идеологии. Критики, относившиеся к революционным настроениям с опаской, приветствовали «Бесов»: «Г. Достоевский, с его способностью наблюдать и анализировать преимущественно болезненные явления человеческой души, задался выследить роковое влияние новых идей на слабый ум и те нравственные изъявления, какие извращение этих идей производит в жалких, внутренне несостоятельных натурах, пораженных бессилием и бесплодием полуобразованности»³ — так видел роман Василий Авсеенко и сам писавший антинигилистические произведения. Демократическая критика, напротив, обвиняла Достоевского в отказе от своих былых убеждений и в искажении сути «нечаевского дела». Петр Ткачев, критик и народник, привлекавшийся по делу

(в 1881 году, уже в эмиграции, он напишет статью «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России»), писал о «Бесах»: «В болезненных представлениях уродцев, помешавшихся на каких-то неопределенно мистических пунктах, — очевидно, нисколько не отражается мирозерцание той среды — среды лучшей образованной молодежи, из которой они вышли»⁴. Салтыков-Щедрин сетовал о «дешевом глумлении над так называемым нигилизмом», которое позволяет себе Достоевский⁵. Примиряющей можно считать позицию Владимира Соловьева, который считал, что «верную и беспристрастную оценку романа [можно будет дать] только в далеком будущем»⁶.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После революции и Гражданской войны «Бесы» оставались романом, прочтение которого зависело от политических взглядов читателя и нередко от того, по какую сторону советской границы читатель находился.

Главным противником «Бесов» был Максим Горький, заклеивший роман реакционным и социально вредным и создавший тем самым советскую традицию его восприятия. Еще в 1913 году, требуя запретить постановку «Бесов» в Художественном театре, он назвал Достоевского злым гением, а его роман одним из «темных пятен злорадного человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы»⁷. В Советском Союзе «Бесы» издавались только дважды, в собраниях сочинений Достоевского, а единственная

попытка издать роман отдельным двухтомником — в научном издательстве Academia в 1935 году — закончилась уничтожением тиража первого тома. Любопытно, что как раз это издание Горький попытался отстоять на страницах газеты «Правда» в полемике с критиком Заславским, назвавшим «Бесов» «литературной гнилью». Тем не менее итогом полемики стал запрет «Бесов», который продержался до 1957 года.

Символистская критика и экзистенциалисты объявили «Бесы» пророческой книгой, что тоже стало штампом, получившим вторую жизнь после перестройки. «Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что “Бесы” — книга пророческая, — писал в 1918 году Николай Бердяев. — Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в “Бесах”. Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской»⁸.

Роман подробно анализировал Фридрих Ницше, особое критическое внимание он уделял фигуре Алексея Кириллова. В 1959 году театральную инсценировку «Бесов» написал Альбер Камю, он же писал о романе, и тоже о Кириллове, в своем знаменитом эссе «Миф о Сизифе». «Бесов» несколько раз экранизировали в Германии, Италии, Мексике, Польше. В России роман снова начали ставить и экранизировать после 1991 года, спектакли по «Бесам»

поставили в том числе Лев Додин и Юрий Любимов. В постсоветское время по отношению к «Бесам» устоялось определение «роман-предупреждение», особенно благодаря работам Людмилы Сараскиной.

КАКИЕ РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЛЕЖАТ В ОСНОВЕ «БЕСОВ»?

Убийство студента Сергеем Нечаевым и членами «Народной расправы» не только вдохновило Достоевского на создание антинигилистического романа, но и вошло в роман в качестве одного из главных событий — убийства Шатова «нашими». Стратегия поведения Петра Верховенского и устройство его тайного общества иллюстрируют написанный Нечаевым манифест «Катехизис революционера».

В сентябре 1869 года революционный маньяк и мистификатор с характером тоталитарного лидера Сергей Нечаев приехал в Москву с мандатом, подписанным Михаилом Бакуниным, и деньгами «Бахметьевского фонда»^{*1}, полученными от Николая Огарева. Бакунину и Огареву Нечаев представился в Швейцарии делегатом несуществующего Русского революционного комитета. В Москве же он открыл революционную ячейку организации «Народная расправа» в Петровской земледельческой академии, представившись студентам членом центрального комитета и рассказав о ячейках в других городах по всей России (в действительности их тоже не существовало). Московская ячейка распространяла

прокламации, в том числе «Катехизис революционера». 21 ноября 1869 года нечаевцы запланировали расклеить листовки в академии, чтобы поддержать студенческие волнения в Московском университете. Один из членов кружка, Иван Иванов, выступил против этой акции, так как опасался, что она может привести к закрытию академии. Нечаев, требовавший от своих подопечных жесткой дисциплины и беспрекословного подчинения, почувствовал угрозу своему положению в ячейке. Тогда он ложно обвинил Иванова в предательстве и сотрудничестве с властями и убедил других членов кружка в том, что предателя нужно убить. Иванова заманили в парк академии под предлогом, что там в гроте закопан типографский станок, который нужно достать. Когда Иванов пришел, бывшие единомышленники набросились на него и сначала пытались задушить, а потом сам Нечаев застрелил отбивавшегося студента. Тело бросили в пруд, привязав к нему кирпичи. Через несколько дней крестьяне обнаружили следы борьбы и труп Иванова.

Достоевский помещает события «Бесов» в то же время — осень 1869 года. Но, поскольку работа над романом и его публикация идут три года, да и реальный судебный процесс растягивается из-за отсутствия главного преступника, в текст прямо или косвенно проникают события 1870–1872 годов: Франко-прусская война, Парижская коммуна, смерть Герцена и другие. Таким образом роман сохраняет публицистическую остроту на протяжении

^{*1} В конце 1850-х годов помещик Павел Бахметьев увлекся идеями утопического социализма, распродал все свое имущество и уехал на острова Тихого океана строить коммуну, где бесследно пропал. Когда Бахметьев был проездом в Европе, он передал Александру Герцену и Николаю Огареву 20 тысяч франков на нужды революции.

Грот в Петровско-Разумовском парке. 1910 год.
В одном из таких гротов произошло убийство студента Иванова соратниками
по революционной организации «Народная расправа»

всей журнальной публикации. Заодно создается эффект присутствия в мире «Бесов» для читателей-современников: с героями романа их объединяет общая повестка, как будто романное время течет параллельно времени чтения (сегодня такой прием часто используют авторы политических и юридических сериалов, стремясь реагировать на резонансные события, пока те еще обсуждаются в соцсетях).

В ходе нечаевского процесса были допрошены 87 человек, несколько нечаевцев получили оправдательный приговор, другие отправились на каторгу. Сам Нечаев бежал в Швейцарию и был выдан российским властям только в 1872-м. Через две недели после выхода «Бесов» отдельной книгой суд присяжных вынес приговор экстрадированному Нечаеву — 20 лет каторжных работ, но после суда его поместили

в Петропавловскую крепость как политического преступника. В конце 1880 года Нечаев связался через караульных солдат с членами организации «Народная воля» и предложил им план своего побега. Однако народовольцы уже готовили покушение на Александра II и не могли рисковать собой ради Нечаева, чьи иезуитские методы к тому же были им чужды. Через два года Нечаев умер в тюрьме.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ РОМАНА?

У всей «пятерки» Верховенского и многих других героев романа есть реальные прототипы, часто Достоевский называл персонажей их именами в черновиках. Так, например, Степан Трофимович Верховенский

во время работы над романом носил фамилию Грановский, в честь историка-медиевиста Тимофея Грановского, профессора Московского университета, друга Герцена и Огарева, известного западника, близкого к кругу журнала «Современник». Правда, Верховенский-старший в отличие от своего прототипа только говорит о своих исторических трудах и былом участии в политическом движении, не имея никаких подтверждений ни тому, ни другому, и весь его образ комического старика представляет собой довольно злую сатиру на Грановского как одну из крупных фигур русского западничества. С другой стороны, начальная историческая точка, от которой отсчитываются события романного прошлого в «Бесах», — 1849 год, год ареста петрашевцев^{*1}, среди которых был и сам Достоевский. Так что можно предположить, что Верховенский-старший все-таки имеет некоторую политическую биографию и представляет собой собирательный образ идеалиста 1840-х годов. Как охарактеризовал его, к восторгу Достоевского, Аполлон Майков: «...это тургеневские герои в старости».

Петр Степанович Верховенский носит в черновиках фамилию Нечаев или Речаев, хотя тому, что его прототип — Сергей Нечаев, и так не требуется лишних доказательств. Некоторые исследователи видят в образе Петруши и черты Михаила Буташевича-Петрашевского, лидера петрашевцев.

Липутин получил фамилию, напоминающую о нечаевцах Лихутиных, но его

прототипом послужил скорее Петр Гаврилович Успенский, который был правой рукой Нечаева в «Народной расправе». Это он фактически организовал для Нечаева тайное общество, предоставлял свою квартиру для встреч и вел протоколы. После ареста он же оказался одним из самых полезных свидетелей по делу.

Виргинский сочетает в себе черты того же Успенского и Алексея Кирилловича Кузнецова, студента Петровской академии, будущего краеведа и просветителя, приговоренного к десяти годам каторги за участие в убийстве Иванова. Кузнецов собирал деньги и вещи для «Народной расправы», выполнял мелкие поручения Нечаева, постоянно встречался с разными лицами по его приказу.

Прототип Толкаченко — фольклорист, этнограф Иван Гаврилович Прыжов, присутствовавший при убийстве, но не участвовавший в нем. Моисей Альтман, подробно сопоставивший биографии Прыжова и Толкаченко, предполагает, что Достоевский знал Прыжова лично⁹.

Прототип Эркеля — преданный нечаевец, бывший надзиратель в арестном доме Николай Николаевич Николаев, который зимой 1869 года отдал Нечаеву свой паспорт, чтобы тот смог бежать за границу. Именно Николаев заманил студента Иванова в грот под предлогом поиска печатного станка.

Кириллов унаследовал характер петрашевца Константина Тимковского,

^{*1} Участники кружка Михаила Буташевича-Петрашевского. Соборания проходили в Петербурге во второй половине 1840-х годов, на них обсуждались идеи общественного переустройства и популярные теории утопического социализма. Кружок посещали писатели, художники, учителя, чиновники. По «делу петрашевцев» было арестовано около сорока человек, половину из них осудили на смертную казнь, которая оказалась инсценировкой — осужденных помиловали и отправили на каторгу.

лейтенанта черноморского флота в отставке. Тимковский был прекрасно образован, знал несколько языков, но с маниакальной страстью поддавался какой-нибудь идее, которая заслоняла для него все остальное. Первоначально глубоко религиозный человек, Тимковский затем хотел научно доказать божественность Христа, а позже стал таким же ярким атеистом. В кружке Петрашевского он горячо говорил об изменении мира и готовности пожертвовать собой во имя свободы. «Некоторые принимали его за истинный, дагеротипно верный снимок с Дон Кихота и, может быть, не ошибались»¹⁰, — писал о Тимковском Достоевский. Некоторые детали биографии перешли к Кириллову от Достоевского, например умерший семь лет назад старший брат или привычка пить крепкий чай по ночам.

Роль студента Иванова в романе формально выполняет Иван Шатов. Содержательно же Достоевский передает ему свою собственную идеологическую эволюцию.

Фигура Хроникера отчасти обязана Ивану Григорьевичу Сниткину, младшему брату жены Достоевского. Учитывая, что во время пребывания в Дрездене Сниткин был главным собеседником и конфидентом Достоевского, можно сравнить их отношения с отношениями Антона Лаврентьевича Г-ва и Верховенского-старшего, что позволяет думать, что фигура Степана Трофимовича создана писателем в том числе как самопародия.

Наконец, есть частичный прототип и у Ставрогина — это Николай Спешнёв, центральная фигура политического кружка

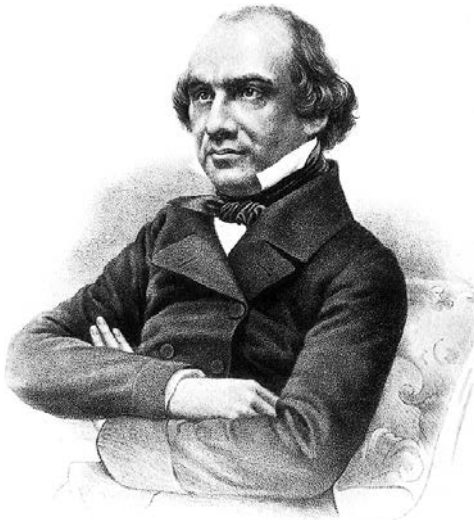
Дурова*¹ и автор его устава, дворянин, долго проживший за границей, светский лев, роковой красавец с неподвижными чертами лица, исследователь раннего христианства как тайного общества, пропагандировавший «социализм, атеизм, терроризм, все, все доброе на свете»¹¹. Молодой Достоевский находился в странной психологической зависимости от Спешнёва, называл его своим Мефистофелем и к тому же занял у него крупную сумму денег, которую не мог отдать. А Тимковский — прототип Кириллова — указывал на допросе, что именно Спешнёв соблазнил его атеизмом.

КТО ВСЕ-ТАКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ «БЕСОВ» — ВЕРХОВЕНСКИЙ ИЛИ СТАВРОГИН?

В «Бесах» оказалось как будто бы два главных героя, из-за того что замысел романа сильно изменился в процессе работы. Поначалу Достоевский собирался написать памфлет против нигилистов и западников, а всю сущность политических радикалов, какой видел ее писатель, в романе должен был воплощать Петруша Верховенский. Но постепенно «Бесы» разрастались и поглощали предыдущие замыслы Достоевского, в том числе роман «Атеизм», роман о Князе и Ростовщике, «Житие великого грешника»*². Все эти ненаписанные произведения так или иначе предполагали воплощение мечты Достоевского создать русского «Фауста» или русскую «Божественную комедию» — идеальное, всеохватное произведение о потере

*¹ Собрания у Сергея Федоровича Дурова, проходившие в 1848–1849 годах. Именно у Дурова Достоевский читал вслух запрещенное письмо Белинского к Гоголю.

*² Ненаписанная философская эпопея Достоевского о внутренней борьбе и духовных исканиях

Историк Тимофей Грановский.
Портрет с литографии 1860-х годов.
Прототип Степана Трофимовича
Верховенского

и обретении веры. Именно из этих замыслов в «Бесах» появился Ставрогин — Князь, великий грешник, имморалист, который обрел абсолютную свободу, но не может обрести веру.

Если бы глава «У Тихона» осталась в тексте романа, первенство Ставрогина было бы более очевидным — Достоевский и раньше строил свои романы вокруг одного главного героя. Из-за изъятия главы герой оказался как будто недостаточно прописанным, неуловимым гораздо больше, чем планировал автор, помечая в черновиках, что Ставрогин должен быть лицом загадочным и романтическим. Впрочем, несмотря на излишнюю загадочность Ставрогина (Николай Бердяев считал его самым

загадочным персонажем не только «Бесов», но и мировой литературы), весь мир «Бесов» центрирован именно вокруг него: все, включая Петра Верховенского, любят и ненавидят его одновременно, ищут его внимания и одобрения, одержимы им. Пожалуй, нет в романе героя, которому Ставрогин не принес бы страданий, не соблазнил, не оскорбил, не погубил, — и этим же героям он видится солнцем, князем, ясным соколом, Иваном-царевичем. В достоевсковедении есть вариант интерпретации, который предполагает, что все остальные персонажи «Бесов» — только носители разных идей и свойств Ставрогина, его зеркала, его вторичные воплощения или вовсе функции, позволяющие сообщить о Ставрогине больше деталей. Первым такую мысль высказал как раз Бердяев, считавший, что Достоевский романтически влюблен в своего героя: «В этой символической трагедии есть только одно действующее лицо — Николай Ставрогин и его эманации»¹².

МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ СТАВРОГИНА «ЛИШНИМ» ИЛИ «НОВЫМ» ЧЕЛОВЕКОМ?

Для начала стоит сказать, что «лишние» и «новые» люди — штампы школьного литературоведения, которые могут пригодиться для классификации тех или иных волн, тенденций в литературе XIX века, но сужают героев выдающихся произведений, будь то Онегин, Печорин, Базаров или Ставрогин. История Ставрогина вовсе не о том, что он скучал, не находил себе применения

русского человека. По замыслу писателя, она должна была состоять из пяти отдельных повестей, объединенных главным героем-правдоискателем.

в общественной жизни и противопоставлял свой образ жизни образу жизни старшего поколения. Достоевский в письме редактору «Русского вестника» Николаю Любимову так объяснял необходимость как можно полнее — с помощью главы «У Тихона» — раскрыть образ Ставрогина в романе: «...это целый социальный тип (в моем убеждении), наш тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного из тоски, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтоб обновиться и вновь начать верить. Рядом с нигилистами это явление серьезное. Клянусь, что оно существует в действительности. Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной, совершенной, иначе...»

Но даже создатель Ставрогина, лелеявший своего героя, взятого «из сердца»,

не вполне понимал, насколько Ставрогин — фигура не типическая. «Это мировая трагедия истощения от безмерности, трагедия омертвения и гибели человеческой индивидуальности от дерзновения на безмерные, бесконечные стремления, не знавшие границы, выбора и оформления», — писал¹³ о Ставrogине Бердяев. «...Человекобог, о котором мечтал Кириллов и по сравнению с которым сверхчеловек Ницше кажется только тенью, — писал литературовед Константин Мочульский, считавший Ставrogина величайшим художественным созданием Достоевского. — Это грядущий Антихрист, князь мира сего, грозное пророчество о надвигающейся на человечество космической катастрофе»¹⁴. Вячеслав Иванов описывал Ставrogина как «отрицательного русского Фауста», в котором угасла любовь: «Изменник перед Христом, он неверен и Сатане. <...> Он

Илья Репин. Сходка (При свете лампы). 1883 год

изменяет революции, изменяет и России... Всем и всему изменяет он, и вешается, как Иуда, не добравшись до своей демонической берлоги в угрюмом горном ущелье». Впрочем, были и исследователи, которые считали Ставрогина типичным декадентом или шизофреником, но даже эти скромные характеристики значительно расширяют рамки «лишнего человека»⁴⁵.

ЗА ЧТО ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ СТАВРОГИНА И ЛЮБИТ ЛИ ОН ХОТЬ ОДНУ ИЗ НИХ?

В «Бесах» Ставрогин действительно окружен женщинами, и с каждой его связывают любовные отношения: это Лизавета Тушина, Мария Шатова, Дарья Шатова и Марья Лебядкина. Если опираться на идею о том, что все персонажи «Бесов» суть части образа Ставрогина, то каждая из названных женщин обозначает один из путей, по которому Ставрогин мог бы пойти. Аристократическая жизнь в Москве с приемами и визитами, о которой мечтает Лиза. Жизнь разночинца и революционера, какую, вероятно, могла бы предложить Мария (о ней мы только и знаем, что ее выгнали из гувернанток за «вольные мысли»). Жизнь декадента в углах, какую Ставрогин, собственно, и вел, женившись на «восторженной идиотке» Лебядкиной «по сладострастию нравственному» (по версии Шатова). Наконец, жизнь тихого семьянина и наследника поместья, какую он вполне мог бы вести, оставшись в Скворешниках с Дашей. Впрочем, Даша готова разделить любую жизнь со Ставрогиным, она единственная верна мечте быть с ним и принимает его предложение уехать

в кантон Ури, тогда как Лиза и даже Лебядкина приглашение отвергают. В то же время каждая из них — взгляд, определяющий Ставрогина как персонажа, ведь его природа двойственна и неуловима. Ставрогин — как будто дух, который получает конкретные очертания только в восприятии другого, и, значит, каждая любит в нем свои представления об идеале.

Можно рассматривать систему «Ставрогин и женщины» в символическом ключе. В таком случае темной стороне личности Ставрогина будет соответствовать Марья Лебядкина, а светлой — Даша. Людмила Сараскина обращает внимание на то, что хромые персонажи у Достоевского являются носителями «душевной порчи», и это неудивительно, учитывая, что хромота — устойчивая характеристика черта. То есть Хромоножка — существо inferнальное. Недаром она одержима Ставрогиным только до тех пор, пока считает его Князем, то есть чем-то вроде темного властелина, а как только в нем созревает мысль покаяться, жена его не признаёт — и гибнет. При этом, например, символистская критика видела в Хромоножке душу мира, мать-землю и вечную женственность. Одержима Ставрогиным и Лиза, которая страдает нервными припадками и имеет навязчивую идею о хромоте. Здравый смысл вроде бы помогает ей отвергнуть Николая Всеволодовича, и в то же время она жертвует своей репутацией и, как быстро выяснится, жизнью ради ночи с ним, как будто продает душу дьяволу: «Я разочла мою жизнь на один только час и спокойна». Умирает и Мария Шатова, появившаяся в городе с лихорадочным блеском в глазах, чтобы родить ребенка от Ставрогина.

Остается жить только Даша. Но спасает Дашу, вероятно, не самоубийство Ставрогина, а то, что ее любовь другого характера, она не одержима страстью, ее навязчивая идея — спасти его: «Никогда, ничем вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всех... Если не к вам, то я пойду в сестры милосердия, в сиделки, ходить за больными, или в книгоноши, Евангелие продавать. Я так решила. Я не могу быть ничьей женой; я не могу жить и в таких домах, как этот. Я не того хочу...» Даша — тот же тип героини Достоевского, что и Соня Мармеладова, только если Раскольников мог покаяться и воскреснуть, то Ставрогин не может, и «ангел» Даша не в силах его спасти. Гражданин кантона Ури намаливает шелковый снурок, не способный к смирению, не готовый к тому, чтобы принять Дашину жертвенную любовь, а значит — и к спасению. И нет, сам он, демон и царь равнодушия, так никого и не любит.

ПОЧЕМУ ДОСТОЕВСКИЙ
ИСКЛЮЧИЛ ИЗ «БЕСОВ» ГЛАВУ
«У ТИХОНА»? В КАКОМ МЕСТЕ
ОНА ДОЛЖНА БЫЛА БЫТЬ
И НУЖНО ЛИ ЕЕ ЧИТАТЬ?

То, что Достоевский сам изъял главу из романа, — миф, возникший из неверного примечания к изданию 1957 года (возможно, оно было сделано из лучших побуждений: до этой публикации роман был запрещен уже 22 года, и комментаторы решили подстраховать автора). «У Тихона» — одна из ключевых глав, которая, по замыслу Достоевского, должна была объяснить Ставрогина, суть его внутреннего конфликта

и мотивы многих поступков, вплоть до самоубийства.

В этой главе Ставрогин приходит к старцу Тихону и дает ему прочитать отпечатанные в заграничной типографии листки со своей исповедью. В тексте Ставрогин рассказывает, как совратил маленькую девочку Матрешу, которая после этого повесилась. Он упоминает и о других совершённых преступлениях, но именно это его мучает: он видит во сне Матрешу, грозящую ему кулачком, и его последняя надежда избавиться от мучительного видения — обнародовать исповедь. Встреча с Тихоном похожа не на разговор со священником, а на сеанс у психолога («проклятым психологом» и называет его Ставрогин в финале). Тихон сомневается в искренности покаяния Ставрогина и в том, что тот вынесет последствия своего плана, а затем предсказывает ему самоубийство: «Нет, не после обнародования, а еще до обнародования листков, за день, за час, может быть, до великого шага, вы броситесь в новое преступление как в исход, чтобы только избежать обнародования листков».

Издатель «Русского вестника» Катков ни за что не захотел публиковать главу, объясняя отказ цензурными соображениями. Достоевский предлагал разные версии главы, в частности увеличил возраст Матрешы с 10 до 14 лет, чтобы сцена растления не выглядела так шокирующе. В письме Любимову, сопровождавшему вторую редакцию, Достоевский писал: «Мне кажется, то, что я Вам выслал... теперь уже можно напечатать. Все очень скабрзное выкинуто, главное сокращено, и вся эта полусумасшедшая выходка достаточно обозначена, хотя еще сильнее

обозначится впоследствии, клянусь Вам, я не мог не оставить сущности дела...» Сначала глава должна была быть девятой во второй части романа, потом — первой главой третьей части, но в любом случае находится примерно в центре всего текста. Однако ни в журнальной версии, ни в первом книжном издании она не появилась. Юрий Карякин предположил, что настоящей причиной запрета главы «У Тихона» была полемика 1861 года, когда Катков выступил с критикой «Египетских ночей», обвинив Пушкина в «эротизме», а Достоевский ответил в том духе, что разврат — в глазах смотрящего: «Это последнее выражение [страсти], о котором вы так часто толкуете, по-вашему, действительно может быть соблазнительно, по-нашему же, в нем представляется только извращение природы человеческой, дошедшее до таких ужасных размеров и представленное с такой точки зрения поэтом (а точка зрения-то и главное), что производит вовсе не клубничное, а потрясающее впечатление»¹⁶. Запретив главу «У Тихона», Катков все-таки настоял на своем: двусмысленной чувственности не место в литературе. Достоевский уже не смог никого переубедить, приводя те же справедливые аргументы, что и в полемике десятилетней давности: противники публикации (к Каткову и Любимову присоединились Майков и Страхов) убеждали Достоевского, что, если о грехе Ставрогина узнают читатели, они непременно подумают, будто он описал собственный опыт. Слухи о том, что подобный опыт у писателя был, Страхов пересказывал в письме¹⁷ Льву Толстому в 1883 году, уже после смерти Достоевского. Современные исследователи

Рабочий стол в Доме-музее Федора Достоевского в Санкт-Петербурге

подвергают сомнению правдивость этой истории.

Не считая отдельной публикации в 1922-м, запрещенная глава была впервые опубликована в 1926 году в приложении к «Бесам» Полного собрания художественных произведений Ф. М. Достоевского в 13 томах. Юрий Карякин сравнивал «Бесы» без центральной главы с собором, из которого с мясом выдрали купол, расписанный гениальными фресками. По мнению Аркадия Долиннина, исповедь Ставрогина представляет собой «кульминационную вершину всего романа, сконденсированный синтез жизни Ставрогина во всех трех аспектах: событийном, психическом и духовном»¹⁸. Одним словом, без этой главы посреди романа зияет смысловая и композиционная дыра, и ее необходимо читать хотя бы как флешбэк.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ТЕОРИЯ КИРИЛЛОВА И ЗАЧЕМ ОН НУЖЕН В РОМАНЕ?

Кириллов — жертва интеллектуального эксперимента, который превратил его в мномана, одно из созданий Ставрогина (Ставрогин приводит Кириллова к атеизму, а Шатова к вере). Если попытаться пересказать его теорию человекобога кратко, она выглядит примерно так: если человек отрицает существование Бога, значит, он ставит свою волю превыше всего — на место, где у верующего Бог; если человек свободен от Бога — он сам себе бог; если человек осознаёт, что он сам бог, — он должен убить себя. Альбер Камю пересказывает теорию Кириллова еще проще и парадоксальнее, в форме классического силлогизма: если Бога нет, Кириллов — бог; если Бога нет, Кириллов должен убить себя; следовательно, Кириллов должен убить себя, чтобы стать богом. «Это абсурдная логика, но она-то здесь и необходима»¹⁹.

В событиях, о которых рассказывает Хроникер, роль Кириллова — совершить самоубийство в тот момент, который выберет Петруша, чтобы взять на себя вину за убийство Шатова. Но у такого писателя, как Достоевский, сюжетная функция Кириллова, конечно, не может сводиться к самоубийству ради планов Верховенского, которые Кириллова к тому же вовсе не интересуют. Идея «логического самоубийства», которое и стремится совершить Кириллов, занимает Достоевского много лет, уже после «Бесов» он несколько раз рассуждает о нем в «Дневнике писателя». В «Мифе о Сизифе» Камю анализирует теорию Кириллова и приходит к выводу, что через нее Достоевский заявляет

проблему абсурдности мира, над которой сам продолжает биться до конца жизни и которой в «Братьях Карамазовых» противопоставляет веру Алеши. Выходит, что Кириллов — промежуточная форма идеи Достоевского, одно из ее звеньев.

Точно так же Кириллов занимает промежуточное место в цепочке суицидов в «Бесах»: он убивает себя после Матрешы и перед Ставрогиным. Мысль об убийстве Бога хронологически впервые звучит в доме на Горюховой — Ставрогин слышит от Матрешы: «Бога убила». Матреша приписывает себе преступление, которое совершает Ставрогин. Тогда же Ставрогин думает застрелиться, но не делает этого, предпочитая испортить себе жизнь браком с Хромоножкой. Таким образом, убив Бога, он остается жить и, согласно кирилловскому развитию теории, становится не богом, а царем («царем равнодушия», как называет его Камю), а идею богоубийства передает Кириллову. В итоге же все трое погибают из-за ставрогинского атеизма. Матреша становится его жертвой (вседозволенность в отсутствие Бога — постулат, который лежит в основе ненависти Достоевского к социализму, нигилизму и т. д.; писатель сформулирует эту мысль устами Мити Карамазова: «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?»). Сам Ставрогин убивает себя от невозможности покаяться, потому что в нем нет веры. А Кириллов, как и планировал, приносит себя в жертву ради того, чтобы указать другим путь, — как связующее звено, он показывает последствия утраты веры и логику самоубийства в мире Достоевского и готовит почву для развития идеи в будущих текстах писателя.

КОГО ДОСТОЕВСКИЙ ВЫСМЕИВАЕТ В ОБРАЗАХ КАРМАЗИНОВА И ЛЕБЯДКИНА?

Кармазинов — собирательный образ «чистого западника», как и Степан Трофимович, но, в отличие от старшего Верховенского, чисто сатирический. Фамилия «великого писателя» прямо указывает на Карамзина как источник, но гораздо больше у Кармазинова — от Тургенева, с которым Достоевский открыто враждовал после выхода романа «Дым» в 1867 году и которого обвинял в «отрыве русского культурного слоя от почвы». Достоевский приписывает Кармазинову тургеневскую любовь ко всему немецкому, симпатии к революционно настроенной молодежи и одновременно лояльность властям и украшает это карикатурными «сюсюкающим тоном» и привычкой лезть лобызаться при встрече, высмеивая тургеневские манеры. Повесть «Мерси», которую Кармазинов читает на вечере у Лембке, — литературная пародия сразу на несколько текстов Тургенева: «Довольно», «Призраки», «Казнь Тропмана», «По поводу “Отцов и детей”». Аркадий Долинин в статье «Тургенев в “Бесах”» анализирует эти пародии и, кроме прочего, утверждает, что Тургенев начал войну пародий первым, — во всяком случае Достоевский принимает князя Коко из «Дыма» на свой счет²⁰. Кстати, в черновиках «Бесов» фамилию Карамзина носит еще и Лиза, ставшая впоследствии Тушиной.

А вот капитан Лебядкин при всем своем комизме, как ни странно, не пародиен. Его природа иного свойства, ее прекрасно объяснил Владислав Ходасевич в статье «Поэзия Игната Лебядкина»:

«Будучи интендантский чиновник, он всю севастопольскую кампанию служил “по сдаче подлого провианта”, но ради мечты (и лишь отчасти из жульничества) выдает себя за капитана и воображает, будто вполне героически лишился руки, хотя обе руки у него целы. — Этот-то вот иллюзорный, идеальный Лебядкин, не понятый никем и несправедливо презираемый, — он-то и есть поэт»²¹. Хотя Лебядкин и позволяет Ставрогину смеяться над его стихами, сам относится к ним со всей серьезностью, «именно потому, что они отражали лучшего, воображаемого Лебядкина». Комический эффект лебядкинских любовных стихов возникает из-за трагического, в общем-то, несоответствия формы и содержания: серьезный пафос автора, его чувство сталкиваются с его неспособностью создать адекватную форму. «Поэзия Лебядкина есть искажение поэзии, но лишь в том же смысле и в той же мере, как сам он есть трагическое искажение человеческого образа», — пишет Ходасевич.

Впрочем, все это отнюдь не значит, что Достоевский не имел в виду никакой пародии. Через лебядкинские тексты он высмеивает гражданскую лирику 1860-х годов («Таракан», «Отечественной гувернантке» в соавторстве Лебядкина с Липутиным); передает насмешливый привет Белинскому, пародируя «Наездницу» Бенедиктова, которую Белинский раскритиковал, отказавшись при этом цитировать из-за слова «члены» (у Лебядкина в стихотворении «В случае, если б она сломала ногу» — «краса красот сломала член»). Кроме этого, в «Бесах» пародируется и романтическая натурфилософская поэма 1830-х годов, правда, уже не устами Лебядкина, а через пересказ

поэмы Степана Трофимовича Верховенского. Илья Серман в статье «Стихи капитана Лебядкина и поэзия XX века» пишет²², что между Верховенским-старшим и Лебядкиным Достоевский разделил свойства заглавного героя из ненаписанной повести «Картузов», возвышенного поэта-графомана. В той же статье Серман делает вывод о роли поэзии Лебядкина в романе: «Ничего другого, кроме стихов Лебядкина, абсурдный мир, изображенный в “Бесах”, породить в стихотворной форме не может. Мир, который в стихах может себя выразить только в абсурдной по нарушению всех реальных связей вещей и слов форме, представлен в “Бесах” по правилу: какова жизнь, такова и поэзия». Кстати, именно абсурд, заключенный в поэзии капитана, помог найти Лебядкину признание в XX веке. Всерьез, ровно как и мечтал поэт в «Бесах», его восприняли Заболоцкий, Олейников и другие обэриуты, а Дмитрий Шостакович написал сочинение «Четыре стихотворения капитана Лебядкина».

ПОЧЕМУ ДОСТОЕВСКИЙ ТАК ОПОЛЧИЛСЯ НА НИГИЛИСТОВ И ЗАПАДНИКОВ? ЕСТЬ ЛИ В «БЕСАХ» ПЕРСОНАЖИ И ИДЕИ, КОТОРЫМ АВТОР СОЧУВСТВУЕТ?

Достоевский и сам чуть не стал революционером. В 1847–1849 годах он посетил «пятницы» у Михаила Буташевича-Петрашевского, где собирались умеренные сторонники освободительного движения сороковых годов. Петрашевцы читали и обсуждали работы европейских

философов — Фурье, Сен-Симона и Фейербаха, видели связь между социализмом и христианством, мечтали об отмене крепостного права, общинности и «всеобщем счастье». Более радикальным был кружок Дурова, отколовшийся от петрашевцев, куда тоже входил Достоевский. Но и радикализм этого кружка (если не считать сурового устава, написанного Николаем Спешнёвым и напоминающего нечаевский «Катехизис революционера») заключался в том, чтобы готовить народ к восстанию с помощью подпольной типографии. Тем не менее в годы правления Николая I взгляды петрашевцев считались достаточно революционными, чтобы установить за кружком слежку и заподозрить его членов в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка — так впоследствии звучало обвинение. В 1849 году 34 посетителя пятниц были задержаны, из них 15, в том числе Достоевский, приговорены к смертной казни. Смертный приговор заменили каторгой, так как на самом деле никакого антиправительственного заговора среди петрашевцев суд не обнаружил, но объявили об этом только после того, как казнь была инсценирована.

Этот страшный опыт и последующие годы на каторге и «в солдатчине» заставили Достоевского пересмотреть свои взгляды. Познакомившись с другими каторжными и солдатами и ощутив неприязнь, которую они испытывают к дворянам, писатель увлекся идеей «русского Христа», то есть тем православием с националистическим оттенком, как его понимали и исповедовали в народе, и самим народом как носителем религиозной правды. Достоевский последовательно превратился

в почвенника, с брезгливостью отвергая теперь фурьеризм, которым был увлечен в 1840-х. Впрочем, по свидетельству Павла Милюкова, писатель уже в 1849 году задумался об особом русском пути: «Мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа; в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы, более прочные и нормальные, чем в мечтаниях Сен-Симона и его школы». Отсюда и его неприязнь к западничеству и тем более к социалистам и нигилистам, которых Достоевский считал прямыми наследниками западников своего поколения (эту связь он обозначил в «Бесах» с помощью отца и сына Верховенских), да и ко всем остальным

революционерам, в которых Достоевский не видел смысла после отмены крепостного права, — с восхождением Александра II на престол писатель вообще стал исключительно лоялен к власти. А 1867–1873 годы — «период самый фанатический в славянофильстве Достоевского»²³.

Несомненно, самый близкий Достоевскому персонаж «Бесов» — Шатов. Хотя его сюжетная роль списана со студента Иванова, его идеологический переход и сомнения отражают философскую и религиозную биографию самого Достоевского. Справедливости ради нужно заметить, что даже своим идеологическим врагам писатель дает шанс в «Бесах», заставляя, например, Петрушу признаться, что он не социалист, а мошенник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru